

ПЕДАГОГИКА

PEDAGOGY

DOI: 10.12731/2218-7405-2016-6-5-26

УДК 355

ПЕРВАЯ РИМСКАЯ РИТОРИКА I ВЕКА ДО Н.Э.

Зверев С.Э.

Целью статьи является привлечение внимания научного сообщества к первому русскому переводу древнеримского трактата по судебной риторике.

Метод или методология проведения работы. В статье приведено основное содержание трактата «Ad Herennium», проведен текстологический и исторический анализ проблемы авторства и датировки трактата.

Результаты. Отмечается, что римская судебная риторика была школой гражданского мужества, ступенью к политической карьере.

Область применения результатов. Материалы статьи могут быть использованы для углубленного изучения общей риторики и разработки истории судебной риторики.

Ключевые слова: *риторика; ораторство; публичная речь; разновидности судебных дел; фигуры риторики.*

THE FIRST ROMAN RHETORIC OF THE FIRST CENTURY B.C.

Zverev S. Je.

Purpose. The purpose of this article is to attract the attention of the scientific community to the first Russian translation of the Roman treatise on judicial rhetoric.

Methodology. The article presents the main content of the treatise «Ad Herennium», conducted textual and historical analysis of the problems of authorship and Dating of the treatise.

Results. It is noted that the Roman judicial rhetoric was the school of civil courage, a step to a political career.

Practical implications. The article may be used for in-depth study general development rhetoric and the history of judicial rhetoric.

Keywords: rhetoric; oratory; public speaking; variety of cases; figures of rhetoric.

Введение

В римской истории I в. до н.э. явился своеобразным водоразделом между республиканским и имперским периодами его тысячелетней истории. Или, если смотреть шире, – между эпохой напряженного, полного борьбы, трудов и осознанных жертв народовластия, создавшего славу Рима, и эпохой всеобщей усталости народа от своей великой миссии, вверившего заботу о себе сначала великим, потом выдающимся, а потом и совершенно ординарным и даже порой абсолютно чудовищным личностям.

Но в I в. до н.э. чаши весов истории еще колебались. Еще находились люди, предвидевшие грядущее умаление традиционных римских добродетелей и пытавшихся одиноким голосом человека бороться за лучшее в этом человеке и за лучшее устройство человеческого общества. К числу таких людей можно отнести автора «Риторики для Геренния».

Материалы исследования и их обсуждение

Как отмечала И.П. Стрельникова [6], для исследователя «Риторики для Геренния» являет задачу о четырех неизвестных, ибо неизвестны ни автор, ни адресат, ни точное название книги, ни дата ее написания. Идей по этому вопросу было высказано немало отечественными и особенно зарубежными исследователями римского красноречия; они достаточно подробно изложены в упоминавшейся выше работе, к которой мы адресуем заинтересованного читателя.

Первые два вопроса представляют наибольший интерес, ибо от ответа на них напрямую зависит и разрешение четвертого; третий, как представляется, по сравнению с ними является малосущественным и вряд ли разрешимым, разве что вдруг обнаружатся неизвестные науке источники, из которых и остальные вопросы получат полное и удовлетворительное освещение.

Проблема авторства «Риторики» вращается вокруг личности Цицерона: можно ли считать великого ратора и оратора причастным к ее созданию. Положительно этот вопрос разрешает, например, Оксфордское издание 1954 г., по чьему тексту выполнен наш перевод, на колонтитуле которого недвусмысленно указано: «Cicero. Ad Herennium».

Мнения в поддержку этой точки зрения возникали преимущественно из анализа корреспонденции Цицерона в поисках мест, указывающих на написание им «школьного» трактата, к которому авторы практически единодушно относят «Риторику для Геренния», и стиля его позднейших риторических трактатов. Между тем, общепризнанная датировка «Риторики», относящая ее написание к периоду 86–82 гг. до н.э. (подробнее о датировке мы будем говорить ниже) в определенной степени противоречит вопросу об авторстве Цицерона. В самом деле: в двадцатилетнем возрасте мало кто берется за написание учебников, не имея к тому же практического опыта в излагаемом материале. Это выглядело бы несколько самонадеянным даже для Цицерона, который в период зрелости отнюдь не страдал от ложной скромности.

Гораздо уместнее, на наш взгляд, обратиться за подтверждением авторства Цицерона к его ранним речам в попытке найти в них сюжетные, если так можно выразиться, и стилистические совпадения с текстом «Риторики».

Первые речи Цицерона, которые принесли ему славу оратора – речь в защиту Публия Квинкция (81 г. до н.э.) и особенно речь в защиту Секста Росция (81 г. до н.э.) – произносились в суде. Отметим, что и в «Риторике» главное внимание уделено разработке судебной речи, по мнению автора, наиболее сложной

из всех; в примерах, иллюстрирующих построение фигур речи и мысли, значительное место занимают фрагменты речений из судебных тяжб, посвященных имущественным вопросам, т.е. именно тем, которые стали предметом разбирательства на указанных выше процессах. Ниже приводится несколько фрагментов речей Цицерона и соответствующие выдержки из «Риторики» – их анализ может оказаться полезным для предпринятого нами исследования.

Из речи в защиту Секста Росция	Из «Риторики для Геренния»
XXI, 59. Стоило обратить внимание на то, как небрежно он держал себя, выступая как обвинитель, – если только вы, судьи, заметили это... Он стал проявлять крайнюю развязность, садясь, когда ему вздумается, затем расхаживая взад и вперед; иногда он даже подзывал к себе раба, вероятно, для того, чтобы заказать ему обед; словом, он вел себя так, точно был совершенно один, не считаясь ни с вами, судьями, ни с присутствующими.	IV, 50. Этот человек, судьи, полагает, что замечательно считаться богатым; посмотрите сначала, как пристально он разглядывает нас. Не кажется ли вам, что он сейчас скажет: «Я бы с удовольствием дал бы вам клиентский надел, если вы не испытывали мое терпение»... Когда он поворачивается к мальчишке [-рабу], который у него только один – я это знаю, а вы нет, я полагаю, – он называет его то одним именем, то другим, то третьим...
XLIX, 144. ... если он вполне добросовестно отдал тебе все свое достояние, все пересчитал, все взвесил, если он передал тебе одежду, которой было прикрыто его тело, и перстень, который он носил на пальце, если из всего своего достояния он не оставил себе ничего, кроме своего нагого тела, – позволь ему, невиновному, влачить жизнь в бедности, пользуясь помощью друзей.	IV, 29. Так как только душа и тело остаются со мной, теперь, когда я лишен всего остального, даже это единственное добро, оставленное мне, я верю вам и вашей власти. Распоряжайтесь и даже злоупотребляйте ими в ваших собственных целях, как сочтете нужным; безнаказанно решайте в отношении меня, каким бы решение ни было...
XXIV, 66. ...тех людей, которые, по рассказам поэтов, мстя за отца, убили мать, – несмотря на то, что они, по преданию, совершили это по велению бессмертных богов и оракулов – все же преследуют фурии...	I, 16. ...когда Орест говорит, что он убил свою мать, чтобы отомстить за своего отца, справедливо ли, чтобы Клитемнестра была убита своим сыном без суда?

Из речи в защиту Секста Росция	Из «Риторики для Геренния»
XXV, 69–70. И вот, если на основании многого можно заключить, что наши предки... придумали для отцеубийц единственную в своем роде казнь, чтобы страхом перед тяжестью наказания удержать от злодеяния тех, кого сама природа не сможет сохранить верными их долгу. Они повелели зашивать отцеубийц живыми в мешок и бросать их в реку.	I, 13. Другой закон гласит: «Тот, кто был уличен в убийстве своего родителя, должен быть полностью обернут и увязан в кожаный мешок и брошен в бегущий поток»...
XLI, 119–120. Я уже говорил, что у Росциев не раз требовали двух рабов для допроса. Ты, Тит Росций, в этом всегда отказывал... Далее, требование, предъявленное тебе, было такого рода, что твой отказ был равносильен твоему сознанию в совершении тобой злодеяния.	IV, 30. Строя совершенную защиту, не возражай, дай допросить рабов, усердно стремись найти истину.
XXXV, 100. Не знаю, но вижу одно – Капитон участвовал в дележе имущества Секста Росция: из его тринадцати имений Капитон, вижу я, владеет тремя наилучшими. Кроме того, я слышал, что это не первое подозрение, падающее на Капитона, что он заслужил много позорных для него пальмовых ветвей, но эта, полученная им в Риме, даже украшена лентами.	IV, 53. Намек через двусмысленность – когда слово может быть понято в двух или более смыслах, но все же употребляется в том смысле, который выгоден говорящему; например, если бы пришлось высказаться в отношении человека, который вступает в права многих наследств: «Да ты прозорливец, коль мог столь многое предвидеть»
XXXVI, 103. Публий Африканский, чье прозвание ясно говорит о покорении им третьей части мира, и тот не стал бы выступать как свидетель, если бы дело касалось его самого; а ведь о таком муже я не решаюсь сказать: «Если бы он выступил, ему не поверили бы».	IV, 15. Это к тебе сейчас я обращаюсь, Африканец, чье имя даже в смерти означает величие и славу государства!
VI, 15. ...тайные убийцы и гладиаторы требуют, чтобы люди, за свои заслуги избранные из числа граждан в сенаторы... не только освободили их от наказания, но еще и выпустили их отсюда обогащенными и как бы награжденными славной боевой добычей.	III, 7. ...если человек имеет физические достоинства, мы объявим, что он злоупотребил тем, что, как подлый гладиатор, он получил благодаря случаю и природе.

Из речи в защиту Публия Квинкция	Из «Риторики для Геренния»
XVIII, 59. ...он не любил ни гулять у солнечных часов...	IV, 10. ...такой резкий тон, конечно же, не практикуется у солнечных часов...
XXVI. О, если бы теперь встали из своих могил все Крассы и Антонии...	IV, 53. Но если бы великий Луций Брут смог восстать из могилы и появился бы здесь перед вами, не сказал бы он...

Нельзя также обойти вниманием многочисленные случаи применения в речах Цицерона фигур речи и мысли, которые рекомендует использовать и «Риторика». Но это, конечно, свидетельства косвенные. Приведенный выше небольшой текстологический анализ указывает на то, что «Риторика», судя по всему, писалась Цицероном на основе опыта, полученного в ходе работы над судебными речами в защиту Квинкция и Росция, и для подготовки к политической деятельности, поскольку именно примеров речей на политическую тематику с ярко выраженной республиканской направленностью больше всего содержится в четвертой книге.

Рассмотрим, например, начало из знаменитой первой речи против Катилины. Здесь тоже немало аллюзий с «Риторикой», самые яркие из которых приведены ниже.

Из первой речи против Катилины	Из «Риторики для Геренния»
I, 1–2. Сенат все это понимает, консул видит, а этот человек все еще жив. Да разве только жив? Нет, даже приходит в сенат, участвует в обсуждении государственных дел, намечает и указывает своим взглядом тех из нас, кто должен быть убит, а мы, храбрые мужи, воображаем, что выполняем свой долг перед государством, уклоняясь от его бешенства и увертываясь от его оружия.	IV, 49. Он ежедневно скользит в центр форума, как дракон с кривыми клыками, ядовитым взглядом и лютым шипением, озираясь по сторонам, кого бы схватить пастью, в кого бы вонзить зубы, впрыснуть яд с языка.

Из первой речи против Катилины	Из «Риторики для Геренния»
<p>II, 4–5. А мы, вот уже двадцатый день, спокойно смотрим, как притупляется острие полномочий сената... Хочу я, отцы-сенаторы, быть милосердным; не хочу, при таких великих испытаниях для государства, показаться безвольным; но я сам уже осуждаю себя за бездеятельность и трусость... Если я тотчас же велю тебя схватить, Катилина, если я велю тебя казнить, то мне, несомненно, придется бояться, что все честные люди признают мой поступок запоздалым, а не опасаться, что кто-нибудь назовет его слишком жестоким.</p>	<p>IV, 36. По какой причине, судьи, вы колеблетесь вынести приговор – или этот человек не закоренел в беззаконии?.. Двигал ли вами страх, что, если вы осудите его на первом же слушании, вас сочтут жестокими? Стараясь избежать упрека в жестокости, от чего были далеки, вы подверглись другому поношению – вас считают робкими и трусливыми. Нанесен большой ущерб частным лицам и государству, и теперь, когда, по-видимому, угрожает еще более крупный, – сидите и зеваете. Днем вы ожидаете вечера, ночью вы ждете дня. Каждый день объявляются хлопотные и неприятные новости, но даже теперь вы все еще медлите с источником этих наших недугов и питаете его [надежды] на уничтожение республики; до каких пор вы будете терпеть его в обществе?</p>
<p>XI, 29. Но если в какой-то мере и следует опасаться ненависти, то разве ненависть за проявленную суровость и мужество страшнее, чем ненависть за слабость и трусость?</p>	

Достаточно характерно, что Цицерон требовал не немедленной смерти Катилине, а всего лишь изгнания, как и автор «Риторики», направлявший громы и молнии против гипотетического врага отечества. Подобная «умеренность» очень характерна для политических решений Цицерона, бывшего прежде всего человеком мысли и слова, а не грубого насилия.

Если признать в качестве рабочей гипотезы авторство «Риторики» за Цицероном, то следует предположить, что текст ее никак не мог быть написан раньше 78 г. до н.э. – года смерти всесильного диктатора Суллы, панегириками которому буквально нашпигована речь в защиту Секста Росция, — поскольку «Риторика» об оптиматах упоминает всего дважды, причем один раз явно саркастически. Этого Цицерон, чья политическая осмотренность, если не сказать более, конечно, мог себе позволить

даже в частной корреспонденции только в условиях отсутствия явной и непосредственной угрозы со стороны многочисленных и крайне опасных сулланцев.

В пользу этой версии говорит очень выразительный эпизод (IV, 52), который можно счесть описанием обстоятельств применения сулланских проскрипций 82 г. до н.э., следа которых, почему-то не усматривают в «Риторике» при разрешении вопроса о ее датировке. Причем эпизод этот свидетельствует о самой грубой и возмутительной форме произвола, сопровождавшего проскрипции – когда они применялись даже не прикрываясь видимостью политической необходимости, но из чувства личной вражды и жажды обогащения. «Насыть мою вражду и утоли мой гнев своею кровью!» – восклицает ворвавшийся в дом состоятельного человека во главе группы солдат его враг или просто завистник и, невзирая на мольбы жены хозяина, тут же закалывает его на глазах пораженных ужасом домочадцев. После первого взятия Рима войсками Суллы в 88 г. до н.э. таких явных беззаконий все же не наблюдалось; солдатню, жаждавшую пограбить, очень быстро приструнили и от греха подальше увели в поход против Митридата.

Тем не менее, период между 88 и 82 гг. до н.э. никак нельзя считать спокойным, как полагают некоторые исследователи, поскольку в Риме после ухода армии Суллы ситуация отнюдь не стабилизировалась; марианцы, пользуясь его отсутствием, развернули настоящий террор против оптиматов, что и вылилось в ответную полномасштабную резню 82 года. Время, что и говорить, было не очень располагающее к написанию учебников по красноречию, чье бы авторство ни предполагалось.

Напротив, с 78-го по 76-й гг. до н.э. (от смерти Суллы до отъезда Цицерона на Сицилию) политические страсти в Риме поутихли, так что вполне можно было заниматься философией, как о том пишет автор «Риторики» в начале своего труда, и готовиться к политической карьере, завязывая полезные знакомства в среде нобилитета. Что книга закончена была до отъезда Цицерона, говорит то, что в тексте он неоднократно упоминает о возможности личных

встреч со своим адресатом и проведения «консультаций» по трудным вопросам искусства риторики.

Здесь мы подходим к вопросу о том, что за человек был Гай Геренний, которого наш автор старательно наставлял в искусстве риторики. Прежде всего, очевидно, что человеком он должен быть состоятельным, образованным и достигшим определенного успеха в жизни, на что намекает сам автор (IV, 56). Успех в Риме в этот период определялся политической карьерой, и умение хорошо говорить было востребовано более всего на политическом поприще.

Из римских сенаторов до нашего времени история сохранила имена двух предполагаемых современников автора «Риторики», носивших это имя. Первый – сенатор Гай Геренний погиб около 75 г. до н.э., сражаясь против сулланцев под знаменами Квинта Сертория в Испании, в битве при Валентии. Второй Гай Геренний известен тем, что в 80-м и 60-м гг. до н.э. избирался народным трибуном. Именно он представляет для нас наибольший интерес, поскольку первому Гереннию — соратнику смутьяна и мятежника – было явно не до философии и тем более не до риторики, по крайней мере, не до судебной.

В пользу соображения о том, что адресатом автора «Риторик» мог быть бывший народный трибун Гай Геренний, говорит то обстоятельство, что в тексте множество примеров относится именно к политической деятельности народных трибунов, как в следующем случае: «Тиберию Гракху долгие годы пробыть у кормила республики помешала незаслуженная насильственная смерть. Подобная участь постигла Гая Гракха, внезапно вырванного из лона государства, героя и непоколебимого патриота. Сатурнин, жертва вероломства, злодейски лишен жизни. О Друз, твоей кровью забрызганы стены твоего жилища и лицо твоей матери. Сульпицию только что шли на любую уступку, но вскоре [его] не только лишили жизни, но даже погребения» (IV, 22). Все перечисленные персонажи в разное время были народными трибунами и пролили кровь за свои политические убеждения. Надо понимать, что автор

риторики сознательно подбирал наиболее актуальные для своего корреспондента примеры.

Нельзя не отметить и того факта, что автор «Риторики» относится к своему адресату не как к патрону (что было бы неудивительно, если учесть, что среди римских риторов было немало людей незнатных, а порой и вообще происходивших от вольноотпущенников и даже рабов) или клиенту (что вовсе невозможно), а только как к более старшему по возрасту коллеге. И в начале, и в конце книги автор подчеркивает, что их с адресатом связывают узы дружбы и даже родства. Следовательно, положение самого автора в римском обществе можно считать обеспеченным и участие его в политической жизни несомненным.

«Даже если в ораторстве мы еще не достигли цели, нам будет только немногого не хватать для совершенства», – эта строка последнего параграфа четвертой книги, на наш взгляд, ясно указывает как на то, что автор трактата сам рассматривал риторику в качестве *средства* достижения успеха в политической карьере, а не дела всей своей жизни, что было бы естественно для профессионального ритора, так и на то, что сам себя он в тот период отнюдь не считал непревзойденным мастером в искусстве риторики. И впоследствии, например, в речи в защиту поэта Архия Цицерон указывал, что он «никогда не был всецело предан одному только этому занятию»: риторика постепенно стала для него делом жизни, после того как не оправдались надежды продолжить играть видную роль в римской политической жизни по окончании консульства.

Оба этих соображения не противоречат нашей версии о личностях автора и его адресата и подкрепляют точку зрения о дате написания «Риторики». Как представляется, молодой Цицерон мог написать трактат в период 78–76 гг. до н.э., во-первых, для того чтобы упорядочить собственные знания в риторике (автор этих строк со своей стороны свято убежден, что лучший способ глубоко изучить предмет, который преподаешь – написать по нему учебник), во-вторых, чтобы заручиться поддержкой в предстоя-

щей политической карьере влиятельного лица, как теперь принято говорить, «действующего политика», который буквально пару лет тому назад занимал высокий пост народного трибуна, а через него и могущественного клана Метеллов, к которому Гай Геренний, насколько можно судить, был близок. Очевидно, за период своего трибуната Геренний ощутил недостаток ораторских способностей и обратился за помощью к набиравшему известность Цицерону. Можно считать, что уроки пошли сенатору впрок, ибо в период своего второго срока (60 г. до н.э.) он даже предложил и очевидно отстаивал законопроект, известный под названием «*Herennia lex*».

Существует и другие косвенные свидетельства авторства Цицерона «Риторика для Геренния»: хотя бы нехарактерное для римлян положительное отношение к актерам и поэтам, которое прослеживается как в речах Цицерона, так и в тексте трактата.

Первая книга «Риторика» предлагает вниманию читателей классическую классификацию риторически разрабатываемых речей на судебные, совещательные и показательные (эпидейктические) и настолько же обычное для древних риторик разделение процесса работы над речью на пять этапов: изобретение, композицию, стиль, запоминание и исполнение.

Изложение требований, предъявляющихся искусством риторики к изобретению, композиции, запоминанию и исполнению применительно ко всем родам речей, содержится в первых трех книгах. Правилам стиля посвящена четвертая книга «Риторика».

Наиболее детально в «Риторике» разработаны процедуры изобретения судебных речей, соответствующих видам дел, различающихся по признаку существа дела (в современных терминах), что показывает рис. 1.

Не совсем ясно, соответствовала ли приведенная в «Риторике» классификация дел реальной судебной практике, или она была произведена автором произвольно, с целью облегчить рассмотрение различий в подходах при изобретении речи.

Процедура самого сложного, по мнению автора «Риторика», толковательного дела, когда речь идет исключительно о фактах, скла-

дывается из шести этапов: рассмотрения возможности совершения преступления подсудимым, сопоставления преступления с выгодой, которую подсудимый мог из него извлечь, рассмотрения признаков преступления, указывающих на подсудимого, наглядных доказательств его вины, изучения последующего за преступлением поведения подсудимого и, наконец, подтверждения его вины.

Рис. 1. Процедуры изобретения судебных речей

Правовое по своему существу дело строится на устранении противоречий между буквальным пониманием текста правового документа и его подтекстом; между противоречащими положения-

ми различных законов и противоречащими решениями; когда речь идет об устранении текстуальной двусмысленности правового документа; когда возникает спор вокруг определения того или иного правового понятия; когда ответчик настаивает на отводе истца или судей и если в отсутствие применимого закона, полностью отвечающего условиям совершенного преступления, решение ищется по аналогии, т.е. на основании правового прецедента.

Юридическое по существу дело, т.е. дело, в котором речь идет только о правовой оценке совершенного действия, сам факт которого не вызывает сомнений, распадается на два подвида: безусловно-юридическое и допустимо-юридическое дело.

Безусловно-юридическое дело опирается при определении правомочности или правомерности действий исключительно на источники права, которыми выступают: законы, установленные природой или принятые людьми; повсеместно распространенный народный обычай; предыдущие судебные решения; однозначно понимаемая справедливость и соглашение между сторонами, имеющее статус правовой нормы.

Допустимо-юридическое дело строится на привлечение непосредственно не относящегося к делу материала, к которому относится: признание подсудимым своей ответственности, выраженное в прошении о помиловании; неприятие подсудимым ответственности, сопровождающееся переносом вины на других людей или обстоятельства; перекладывание ответственности за лично совершенное преступление на преступления других людей; обоснование, что то или иное действие подсудимого при сложившихся обстоятельствах было наилучшей и оправданной альтернативой.

Поскольку успех и неудача любого дела, равно и как сам метод убеждения, по замечанию автора, покоится на умении аргументировать, во второй книге дается подробное описание данной процедуры. Надо отметить, что трактовка, что есть аргумент, в понимании автора «Риторики» несколько отличается от современного толкования. Начиная с выхода в свет известного трактата Х. Перельмана и Л. Ольбрехт-Тытеки, аргументация в понимании со-

временных риториков и философов представляет собой набор определенным образом расположенных доводов в доказательство или опровержение какого-либо мнения. Трактровка автора «Риторики» приближает аргумент к *хрии*, поскольку полный и законченный аргумент должен состоять из предложения, в котором излагается то, что намереваются доказать или опровергнуть; причины, в которой кратко разъясняются основания достоверности того, что указано в предположении; доказательства, подкрепляющего развернутыми доводами то, что кратко изложено в причине; украшения, используемого для обогащения аргумента; и вывода, подводящего итог рассуждениям. Фактически аргумент, взятый в совокупности своих пяти частей, как и хрия, представляет собой небольшую законченную речь.

Третья книга посвящена объяснению правил изобретения в совещательной и показательной речи, а также правил композиции, техники развития мнемонических способностей и изложению требований к исполнению речи.

Целью разработки совещательной речи автор полагает выбор способа или направления действий при наличии двух и более альтернатив. Критерием выбора выступает польза, которая в полном соответствии с теорией общественной речи трактуется с позиции обеспечения безопасности и сохранения чести. На концептах славы, доблести, твердости¹ и чести, напомним, основывался героический пафос общественной речи, преобладавший на протяжении античности [2]. Именно освещению вопроса, какие решения и поступки являются достохвальными, уделено больше внимания в трактате. Побудительными причинами (мы стремились избежать слова «мотив») тех или иных решений здесь являются мудрость, справедливость, твердость и умеренность. Особенно красноречиво и, не побоимся этого слова, величественно описывает автор «Риторики» топы, на которых основывается твердость: «Ни опасности, ни тяготы, сколь бы великими они ни были, не отклонят

¹ Так древние предпочитали именовать мужество. И мы согласны с ними, ибо странно считать обладание указанным качеством привилегией только одного пола.

нас от достопочтенных деяний; смерть следует предпочесть позору; никакое страдание не должно вынудить забыть долг; в отстаивании истины не следует опасаться человеческой неприязни; справедливость повелевает нам уважать страну, родителей, гостей, близких и прочих, обязывает быть твердыми в любой опасности и переносить любые тяготы» (III, 3). Читая эти строки, понимаешь, на чем основывался у древних римлян инстинкт «к онтологическому всемирному господству» (по А.Ф. Лосеву) и чем он подкреплялся. На этих нехитрых истинах создаются, стоят и прирастают территориями великие империи.

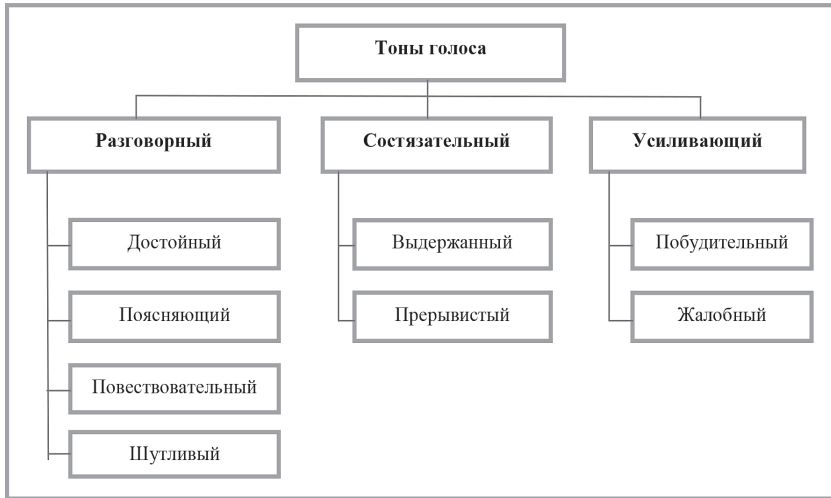
Меньше всего внимания уделено в «Риторике» показательной речи. Автор ограничивается указанием на то, что предметом похвалы могут выступать: внешние обстоятельства, физические качества и свойства характера человека. Впрочем, за этим следует оговорка, что изучать этот вид речей и практиковаться в нем необходимо, поскольку, несмотря на то что жизнь предоставляет относительно немного поводов блеснуть эпидейктическим красноречием, в совещательных и судебных речах нередко приходится хвалить или порицать то или иное лицо или решение, поэтому следует твердо знать, как это делается.

Еще более краток автор при описании правил композиции: указывается только, что следует соблюдать правила расположения как частей речи, так и частей аргумента; сам же порядок расположения не является чем-то незыблемым, но полностью определяется конкретной ситуацией и обстоятельствами разработки и исполнения речи.

Зато к этому последнему автор «Риторики» подходит исключительно ответственно, прямо по пословице «конец – делу венец», рассматривая исполнение речи как важнейший этап ее разработки, зависящий от двух основных условий: качества голоса и мимики и кинесики оратора.

Голосовые качества оцениваются по трем показателям: сила, звучность и гибкость голоса. Первые два полагаются данными человеку от природы и мало зависящими от искусства оратора. Зато

гибкость тона голоса имеет множество подразделений, которые представлены на рис. 2, от овладения которыми и зависит успех ораторской речи.

Рис. 2. Тоны голоса оратора

Отмечается, что разговорный тон ближе всего к повседневной речи; состязательный тон подходит для словопрений; усиливающий тон либо пробуждает в слушателе гнев, либо располагает его к жалости.

Достойный тон предполагает некоторую серьезность темы и сдержанность говорящего; поясняющий предназначен для спокойного разъяснения чего-либо; повествовательным излагают произошедшие или могущие произойти события; шутливым вызывают у слушателей смех, который, впрочем, не должен переходить в безудержный хохот.

Выдержанный тон отличается несколько повышенным темпом и силой голоса; прерывистый – характерен «рваным» ритмом и громкими резкими репликами.

Для побудительного тона характерно говорение в максимальном темпе голосом высокой амплитуды; для жалобного, наоборот,

низкая тональность голоса, затухающие интонации, прерывающиеся частыми нерегулярными паузами.

Указанным восьми разновидностям тона соответствуют и восемь способов исполнения речи и поведения оратора, которые подробно описываются автором.

Вызывают большой интерес две базовые мнемонические техники, приведенные в третьей главе «Риторики», различающиеся тем, что одна основывается на отыскивании и запоминании образов, вызывающих ассоциации с обстоятельствами дела, а другая – на отыскании и запоминании образов, вызываемых словами, созвучными содержащимся в тексте, подлежащему запоминанию.

Четвертая глава начинается с обстоятельного разъяснения, почему автор предпочитает при описании стиля пользоваться собственными примерами, в отличие от распространенной (кстати, по сей день, особенно в риториках, принадлежащих перу филологов) практики использования примеров, почерпнутых из литературных произведений или ораторской практики выдающихся мастеров слова. Наш автор не без юмора замечает, что к заимствованным примерам стоит прибегать, только иллюстрируя ошибки стиля, в то время как собственные примеры должны свидетельствовать не об образованности ратора, но о его профессиональной компетентности в предмете, которому он учит. С этим трудно не согласиться.

Наряду с разделением стиля на высокий, умеренный и низкий, которые, в целом, не нуждаются в комментариях, автор выделяет три качества, которым должен соответствовать стиль оратора: изысканность, сочетаемость и достоинство.

Изысканность стиля обеспечивается хранением чистоты языка и ясностью выражений; сочетаемость – гармоничным чередованием в речи согласных и гласных звуков; достоинство придает речи употребление фигур речи и фигур мысли.

Собственно, почти вся глава посвящена изложению разновидностей фигур, которые показаны в табл. 1. К фигурам речи автором отнесены и 10 последних элементов таблицы, которые современной риторикой рассматриваются как тропы.

Таблица 1.

Фигуры речи и фигуры мысли

Фигуры речи	Фигуры мысли
Анафора	Распределение
Эпифора	Откровенность
Симплока	Принижение
Традукция	Описание [последствий]
Антитеза	Разделение
Апостофа	Накопление
Рассуждение	Отделка
Сентенция	Задержка
Контраст	Антитеза
Колон	Сравнение
Комма	Иллюстрация
Период	Уподобление
Изоколон	Описание внешности
Гомеотелевтон	Характеристика
Парономазия	Диалог
Гипофора	Просопопея
Градация	Намек
Определение	Краткость
Переход	Демонстрация
Коррекция	
Умолчание	
Дизъюнкция	
Конъюнкция	
Адъюнкция	
Удвоение	
Синонимия	
Хиазм	
Разрешение	
Выбор	
Исключение	
Асиндетон	
Апозиопезис	
Вывод	
Ономатопея	
Антономазия	
Метонимия	
Перифраза	
Гипербатон	
Гипербола	
Синекдоха	
Катахреза	
Метафора	
Аллегория	

Безусловно, в чем единодушны все исследователи «Риторики для Геренния», главное украшение трактата составляют речи, которые использованы автором в качестве примеров при описании разновидностей стиля и как иллюстрации к фигурам речи и фигурам мысли. В них проглядывает личность гражданина, горячо преданного отечеству и республиканским идеалам, и человека, мыслящего, гуманного, сострадающего, не чуждого суховатого юмора, блески которого, подобно крупицам золота, нет-нет да и блеснут в наслоениях принципов, наставлений и рекомендаций. И в этот момент автор более чем двухтысячелетней «Риторики» становится вдруг очень близким и понятным нам, почти нашим современником.

Заключение

«Риторика для Геренния» современна тем, что, выбирая между развитием по тернистому, полному ошибок и неудач, пути воспитания народа и обеспечения деятельности институтов истинного народовластия и отрешением от ответственности за свою судьбу в пользу очередного вождя или лидера, мы оказываемся перед теми же вопросами, что и 2000 лет назад автор «Риторики», который учит нас, что главной обязанностью оратора является умелое выражение по любому вопросу своей гражданской позиции. А выражение гражданской позиции от века требовало проявления гражданского мужества, а значит, – сильной, деятельной, нравственной личности.

История Рима убеждает нас в том, что либо в государстве выражение гражданской позиции рассматривается как обязанность и право каждого – и тогда это государство растет и процветает, либо малодушная привычка во всем полагаться на «начальство» исподволь подтачивает силы народа, отучая его самостоятельно думать и решать – и тогда не за горами стагнация и упадок отечества.

Перелистнув последнюю страницу «Риторики для Геренния» невольно задаешься вопросом: стоило ли, при сегодняшнем обилии учебной литературы по риторике обращаться к источнику, из которого многие черпали, но не потрудились сделать общественным достоянием. Мы убеждены, что стоило.

Во-первых, потому что в этом трактате, в отличие от большинства современных учебников, риторика предстает не технологией, а поистине наукой и искусством целесообразного изобретения, построения и произнесения речи [3].

Во-вторых, потому что в трактате сведено воедино великое множество фигур, придающих достоинство стилю оратора, снабженных к тому же массой замечательных примеров.

В-третьих, потому что в настоящее время судебная риторика остается, к сожалению, одной из наименее разработанных частных риторик. Древнейший трактат преимущественно по судебному красноречию, как представляется, может лечь в основу всеобъемлющего исследования судебной риторики в диахроническом аспекте.

В-четвертых, и главным образом, потому что «Риторика» обладает могучим потенциалом воспитания гражданского и правового самосознания, которого так не хватает нашим занаученным и залитературенным (да простится нам такая вольность) пособиям по риторике. Ритор в своем творчестве и наставлении должен обращаться не к отвлеченным общефилософским или общекультурным темам, но к самому животрепещущему и острому своей злободневностью материалу. Риторы сегодня должны быть озабочены не столько формированием риторической или коммуникативной компетентности у своих учеников, сколько тем, как вырастить из них бойцов за правду и справедливость и граждан, более всего пекущихся о благе общества и отечества; не только образованных людей, способных к месту ссылаться на примеры деяний или речений прошлого, но творцов, способных к преобразованию современной им действительности, устремленных в будущее, чтобы потомки в свое время могли брать с них достойный подражания пример.

Всему этому учит нас «Риторика для Геренния».

Список литературы

1. [Cicero] Ad Herennium (Rhetorica Ad Herennium) / translation by H. Caplan. London, 1954.

2. Зверев С.Э. Речевое воспитание военнослужащих. СПб.: Алетейя, 2013. 408 с.
3. Зверев С.Э., Шаповалова А.Е. Риторика: учебник и практикум для бакалавриата и магистратуры. Юрайт, 2015. 311 с.
4. История римской литературы. М.: Издательство Академии наук СССР, 1959 г.
5. Короленков А.В. Квинт Серторий: политическая биография. СПб.: Алетейя, 2003. 310 с.
6. Кузнецова Т.И., Стрельникова И.П. Ораторское искусство в древнем Риме. Москва, «Наука», 1976.
7. Лосев А.Ф. Эллинистически-римская эстетика. М.: «Мысль», 2002. 703 с.
8. Марк Туллий Цицерон. Речи в двух томах. Т. I (81–63 гг. до н. э.). М.: Издательство Академии Наук СССР, 1962.
9. Тираспольский Г.И. Римские законы: словарь-справочник. М.: Флинта: Наука, 2010. 312 с.

References

1. [Cicero] *Ad Herennium (Rhetorica Ad Herennium)* / translation by H. Caplan. London, 1954.
2. Zverev S.Je. *Rechevoe vospitanie voennosluzhashchikh* [Speech education of servicemen]. SPb., 2013. 408 p.
3. Zverev S.Je., Shapovalova A.E. *Ritorika: uchebnik i praktikum dlya bakalavriata i magistratury* [Rhetoric: tutorial and workshop for undergraduate and graduate programs]. M., 2015. 311 p.
4. *Istoriya rimskoy literatury* [A history of Roman literature]. M., 1959.
5. Korolenko A.V. *Kvint Sertoriy: politicheskaya biografiya* [Quinte Sertoriy: a political biography]. SPb., 2003. 310 p.
6. Kuznetsova T.I., Strelnikova I.P. *Oratorskoe iskusstvo v drevnem Rime* [Oratory in ancient Rome]. M., 1976.
7. Losev A.F. *Ellinisticheski-rimskaya estetika* [Hellenistic-Roman aesthetics]. M., 2002. 703 p.
8. Marcus Tullius Cicero. *Rechi v dvukh tomakh* [Speech in two volumes]. V. I (81–63 BC). M., 1962.

9. Tiraspol'skiy G.I. *Rimskie zakony: slovar'-spravochnik* [Roman law: a dictionary]. M., 2010. 312 p.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Зверев Сергей Эдуардович, профессор кафедры иностранных и русского языков, кандидат педагогических наук, доцент
Военный институт (Железнодорожных войск и военных сообщений) Военной академии материально-технического обеспечения
ул. Суворовская, 1, Петергоф, 198511, Российская Федерация
ser86979392@yandex.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Zverev Sergej Jeduardovich, Professor of Chair of Foreign and Russian Languages, Ph.D. in Pedagogical Science
Military Institute (Railway Troops and Military Communications) of Military Academy of Logistics
1, Suvorovskaya St., Peterhof, 198511, Russian Federation
ser86979392@yandex.ru